

**БАШКОРТОСТАН НА РУБЕЖЕ ТЫ-
СЯЧЕЛЕТИЙ:
Тенденции современного развития в
оценках зарубежных исследователей**

*Составители – кандидаты исторических наук И.М.Габдрафиков и И.В.Кучумов
Научный редактор – кандидат исторических наук И.В.Кучумов*

*Переводы с английского и французского кандидата исторических наук
И.В.Кучумова, кандидата филологических наук Л.Ф.Сахибгареевой,
А.М.Ротштейна.*

**Башкортостан на рубеже тысячелетий: Тенденции современного развития в
оценках зарубежных исследователей / Сост. И.М.Габдрафиков, И.В.Кучумов.**

Сборник статей западных исследователей (США, Франция, Германия) посвящен широкому кругу вопросов современного развития Республики Башкортостан: ее этнической истории, особенностям политического режима, межнациональным отношениям, взаимоотношениям с федеральной властью и т.д. Читатель сможет узнать, каковы сегодняшние представления западного научного сообщества о Башкортостане, насколько плодотворно применение западных этнополитических теорий для анализа современного развития данной республики и понимания ее недавнего прошлого. Опираясь на давно известные факты, авторы зачастую приходят к новым выводам и предлагают нестандартные объяснения спорных проблем.

Книга предназначена для политологов, социологов, философов, социологов, этнологов, практических работников.

Все права защищены. Любое воспроизведение данной книги или ее фрагментов разрешается только с согласия составителей.

© Alexander J., 2002.

© Gorenburg Dm., 1999.

© Grävingsholt J., 2002.

© Hale H., 1998, 1999.

© Le Torrivellec X., 2000, 2003.

© Кучумов И.В., Ротштейн А.М., Сахибгареева Л.Ф., переводы, 2003.

© Габдрафиков И.М., Кучумов И.В., составление, вступительная статья, 2003.

Джеймс АЛЕКСАНДЕР,
Йорн ГРЕВИНГХОЛЬТ

О СТЕПЕНИ ПРОГРЕССА ДЕМОКРАТИИ В РОССИИ: РЕСПУБЛИКИ КОМИ И БАШКОРТОСТАН

Перевод статьи: Alexander J., Grävingsholt J. Evaluating Democratic Progress Inside Russia: The Komi Republic and the Republic of Bashkortostan // Democratization. Winter 2002. Vol. 9. No. 4. P. 77-105.

За последнее десятилетие многие западные ученые и наблюдатели высказывались в том плане, что развитию демократии в России препятствует авторитарное прошлое страны. Это проявилось и в борьбе вокруг реформ при бывшем советском лидере Михаиле Горбачеве, и в битвах за власть в российской политике при Президенте Борисе Ельцине. Курс на политическую централизацию, который, кажется, является целью Президента Владимира Путина, также укладывается в это русло. В хаосе российских реформ лишь некоторые исследователи обнаруживают ростки демократии как на современном этапе развития России, так и в ее исторической традиции [1]. Но независимо от того, является ли история препятствием для российской демократии, современная политическая ситуация в стране ясно указывает на наличие сильного авторитарного импульса. Исследователям российской политики лишь в немногих, скорее исключительных, случаях удается находить признаки успешного демократического развития в период после всеобщей неразберихи начала и середины 1990-х гг. [2].

Ярким примером трудностей на пути демократического развития является политическая эволюция Республики Коми и Республики Башкортостан. Эти два региона в составе Российской Федерации вступили в 1990-е гг. на пике связанного с либерализацией и демократизацией оптимизма, охватившего тогда весь Советский Союз. Десять лет спустя оптимизм уступил место всеобщему разочарованию, вызванному продолжающейся борьбой за выживание и ощущением, что обещания периода реформ так и не были выполнены. В новое тысячелетие эти регионы вошли с прочно удерживающим власть политическим руководством, послушными ему законодательными органами, слабо развитым гражданским обществом и в обстановке ставшего привычным игнорирования правящей элитой неудобных для нее

законов. Как будет показано ниже, в Башкортостане авторитаризм проявляется более ярко, чем в Коми. Однако, это лишь вопрос степени.

Процессы политических перемен носят комплексный характер. За последние двадцать пять лет политические трансформации анализировались в рамках общих понятий «перехода» и «демократизации». Этот анализ изначально строился на материале Латинской Америки и Южной Европы, однако впоследствии в него были включены и другие регионы. По отношению к бывшим коммунистическим режимам Восточной Европы приобрели популярность концепции и модели переходно-демократизационной школы, все чаще применяемой для анализа этих в известной мере уникальных политических ситуаций [3].

Настоящее исследование отличается от стремительно увеличивающегося списка подобных работ тем, что мы фокусируем свое внимание на региональных, а не на государственных политических единицах. Учитывая размеры и неоднородность России, понятно, что российские реформы зависят не только от политики центральной власти. Есть все основания для полноценного изучения российских регионов в качестве самостоятельных случаев и даже так, как если бы они были независимыми государствами [4], что соответствует исследовательским подходам к другим регионам [5]. Несмотря на очевидные попытки Президента Путина восстановить централизацию России, относительная независимость 89 регионов предоставляет исследователю многообещающий материал для сравнительного анализа. С учетом слабости федеративного устройства страны, применение общих теорий демократизации к отдельным регионам позволяет высветить особенности переходного периода, свойственные всему государству.

Неравномерное распределение политической власти в России ставит перед исследователем сложные задачи. Известное под названием «асимметричный федерализм», это явление за последние десять лет было изучено достаточно подробно [6]. Угрожая «этнической мобилизацией», большинство этнических республик (а всего их 21 среди 89 субъектов федерации) добились большей политической и экономической независимости от центра благодаря ряду положений Конституции 1993 г., а затем и через двусторонние договоры, которые нередко предоставляли республикам особые привилегии.

То, что и Коми, и Башкортостан имеют статус республик, является, в числе прочего, важным фактором, обусловившим их включение в настоящее исследование. Во-первых, в обоих регионах существуют похожие внутривластные механизмы и формы взаимоотношений с центром, что позволяет рассматривать их как сходные системы. Оба региона являются многонациональными, причем титульные этносы составляют в них меньшинство. В Республике Коми численность этнических коми не превышает 25 % от всего населения, тогда как численность русских составляет 60 %. Хотя национальный вопрос и имеет важное значение, он не создает угрозы для стабильности в республике и не является ключевым в процессе принятия политических решений. В Республике Башкортостан этнические башкиры составляют 22 % населения и являются лишь третьей по численности этнической группой после русских (39%) и татар (28%). В столице Башкортостана – Уфе – более половины населения по национальности русские. По количеству жителей Башкортостан, с его четырехмиллионным населением, занимает первое место сре-

ди республик и седьмое – среди всех регионов России. Хотя межнациональные отношения в Башкортостане отличаются определенной стабильностью, небашкиры считают, что титульный этнос имеет многочисленные общественные и личные привилегии.

Во-вторых, эти две республики заявляют о наличии некоторых преимуществ, вытекающих из их двусторонних договоров с федеральным правительством [7]. Эти соглашения обеспечивают им большую степень независимости на уровнях региональных бюджетов и контроля за природными богатствами, а также более широкие права в области внешнеэкономической деятельности. В-третьих, оба региона входят в число наиболее богатых в стране, причем значительная часть их богатства связана с наличием запасов нефти и развитого нефтехимического сектора. Их экономика стабильна, они являются чистыми донорами российского бюджета, отчисляя в центр больше средств, чем сами получают в виде федерального финансирования [8].

Именно относительно хорошим экономическим положением этих республик и их конституционным статусом объясняется высокая степень их независимости от центра, чем не могут похвастаться другие регионы, которые не удовлетворяют хотя бы одному из этих двух критериев. Учитывая эти сходные черты, И Коми, Башкортостан дают богатую почву для сравнения. Более того, применение к ним теории демократизации становится еще более оправданным. Если в масштабах всей России с ее многообразием сложно делать какие-либо обобщения, то на примере Коми и Башкортостана можно судить о *возможных* путях политической трансформации в России и, в более широком смысле, в других независимых государствах.

В настоящей статье мы сначала рассматриваем теорию демократизации, а затем исследуем два выбранных примера. В заключении мы делаем попытку распространить сделанные нами выводы на Россию, ее регионы и намечаем пути политических трансформаций в мировом масштабе.

1. Вопросы политических трансформаций: аналитическая база

По мнению Джерардо Манка (Gerardo Munck), существуют три основных типа исследований в области «изучения развития демократии». Во-первых, исследователи изучают процессы перехода к демократии в бывших странах с авторитарными режимами по мере того, как они проводят политическую либерализацию, организуют первые демократические выборы и, по возможности, консолидируют новые демократические режимы. Во-вторых, изучая стабильные демократии, ученые пытаются объяснить долговечность демократических режимов, наступившую после многочисленных развалов новых демократий с начала 1970-х гг. В-третьих, в последнее время появилась тенденция изучать качество демократии путем оценки внутренних процессов государственного управления в новых демократиях, чтобы понять каким образом развиваются разные формы – и даже степени – демократии [9]. Авторы настоящей статьи подходят к изучению политических режимов в Коми и Башкортостане со всех этих трех точек зрения.

Исходя из того, что прежний режим по своему типу был относительно неизменным, авторы начинают анализ с 1990 г., когда переход к демократии в обоих регионах стал набирать ход, и особенно подробно останавливаются на двух «критических точках», за которыми последовали два переходных периода. В периоды трансформаций обычно возникают временные отрезки или происходят события, которые определяют направления политического развития; эти критические точки играют важнейшую роль в формировании политической арены, а их влияние ощущается в последующем развитии режима [10].

Однако, критические точки сами по себе не определяют направление трансформации режима. Они создают ограничения, влияющие на то, как акторы реализуют свои предпочтения, структурируя выбор тех путей, по которым и может пойти развитие режима. В конечном итоге, сочетание различных факторов может определить путь, развитие по которому может быть осуществлено легче, чем по другим. При всей важности роли элит в выборе пути, количество вариантов этого выбора не безгранично, он зависит от общественных условий (экономических, международных и т.д.) и производится в ситуации, определяемой как «структурированная случайность» [11]. Поэтому, хотя политические деятели и принимают решения, количество и тип вариантов выбора предопределяются социальной структурой.

После выбора демократического пути развития начинается процесс перехода, который не является жестко предопределенным. Поэтому, хотя политическая система может стать демократической по форме после проведения первых свободных и справедливых выборов, иногда трудно определить, когда демократический режим приобретает устойчивость [12]. В связи с этим, Владимир Гельман жестко критикует большинство исследований о демократизации, обнаруживая в них, как он выражается, «телеологический характер» [13]. Он и другие исследователи неоднократно приводили российские региональные режимы в качестве примеров неопределенности, лежащей в основе политической «демократизации» [14]. Он определяет современные региональные режимы как «выход из неопределенности», предполагая при этом, что эти режимы могут «регрессировать» на стадию неопределенности со своего нынешнего положения, достигнутого в процессе перехода.

Несмотря на потенциально переходную природу режима, исследование качества этого режима имеет существенное значение; понимание качества внешне демократического режима может помочь в определении его потенциала устойчивости. В данном случае представляется уместным рассмотреть концепцию «делегативной демократии» [15]. Режимы этого типа имеют такие демократические признаки, как независимость законодательной власти и народное волеизъявление, однако на их поведение влияет доставшаяся в наследство патерналистская, сосредоточенная вокруг «сильного человека», политика [16], проявляющаяся в наличии разрыва между процедурной и реально существующей формами демократии. В российских регионах существует множество доказательств того, что регионы создали демократические институты и приняли демократические процедуры, однако качество этих «демократий» дает повод для дискуссий [17].

Мы предполагаем, что и Коми, и Башкортостан завершили переход к формальной (процедурной) демократии, однако период демократической консолидации в этих регионах по-настоящему еще не начинался. На деле имел место пере-

ходный процесс принципиально открытого типа (определенную роль в котором сыграла и демократизация), и к 1995 г. оба режима завершили период консолидации, качество которой требует анализа. Хуан Линц (Juan Linz) и Альфред Степан (Alfred Stepan) утверждают, что «демократический переход можно считать завершенным, когда достигается достаточно прочное согласие по поводу политических процедур формирования вновь избранного правительства, когда приход его к власти является прямым результатом свободного голосования народа, когда такое правительство *de facto* имеет полномочия выработать новый политический курс и когда созданные новой демократией исполнительная, законодательная и судебная власти не должны *de jure* делить власть с другими структурами» [18].

Это определение служит лакмусовой бумагой для идентификации завершенного перехода, после которого режим становится номинальной демократией. Главными характеристиками такого режима являются существование демократической институциональной и (видимой) аттитюдной базы, на которой режим может консолидироваться. При этом данное определение оставляет место для неопределенности будущего, при которой демократические по своей структуре институты могут демонстрировать поведение и совершать действия, недемократические по своей сути.

Линц и Степан также предлагают свой метод для оценки уровня демократии. Они считают, что демократический режим можно считать консолидированным, когда демократия становится всеобъемлющей, и описывают три измерения, по которым можно проводить оценку демократической консолидации: (1) *поведенческое*, подразумевающее отсутствие влиятельных групп, предпринимающих попытки свержения режима или отделения от государства силовым путем; (2) *аттитюдное*, относящееся к принятию демократических процедур и институтов большинством населения; и (3) *конституциональное*, означающее признание вновь введенных законов и процедур и формирование привычки к их существованию [19]. Они также считают, что определенные условия должны выполняться в «пяти областях демократии», что показано в Табл. 1 [20].

Табл. 1. Пять (взаимопроникающих) областей консолидации демократии [21]

Область	Условия
Гражданское общество	Наличие самоорганизованных групп, движений и индивидуумов, относительно автономных от государства. Своими действиями они формулируют ценности и выдвигают интересы.
Политическое общество	Развитие институтов, обеспечивающих законную конкуренцию общественности и государства. В число основных институтов входят политические партии, выборы, избирательные правила, лидерство и пр.
Законность	Наличие государственного управления на основе Конституции, самоограничительных процедур, высокого порога для изменений, сильной судебной системы и юридической куль-

Государственная бюрократия	туры. Наличие действенной бюрократии, отражающей пожелания демократически избранных лидеров и эффективно выполняющей основные функции охраны правопорядка, сбора налогов и пр.
Экономическое общество	Наличие признанного набора норм, институтов и регулирующих актов, с помощью которых осуществляется взаимодействие между государством и рынком.

Эти же области и измерения, позволяющие определить наличие *демократической консолидации*, можно применяться и для оценки *качества* демократии *любых* режимов, так как авторитарные по своей сути режимы могут нести в себе некоторые демократические характеристики. Хотя иногда оправданно применять подход, согласно которому демократия либо есть, либо ее нет совсем, нам нужны аналитические инструменты для оценки развития политического режима по отношению к полноценной представительной демократии. Более того, после краха коммунизма в странах бывшего советского блока появились многочисленные «гибридные» режимы, которые требуют описания и анализа именно на предмет степени их демократического развития.

2. Этапы перехода и проблемы консолидации

Эта глава состоит из двух частей. В первой авторы рассматривают переходные процессы в обоих регионах и дают комментарии по поводу различий, повлиявших на стратегии элит. После краткого описания процессов либерализации авторы описывают переходные периоды, следовавшие за двумя критическими точками, имевшими важное значение для всей России. Затем авторы, применяя методику Линца и Степана, дают оценку степени развития демократии в каждой республике. При этом авторы обнаруживают, что в обоих регионах существует значительный «демократический дефицит».

Либерализация и критическая точка I (1990 г.)

После либерализации, начатой Горбачевым, произошли перемены в обеих республиках. В Коми развернуло активную деятельность общероссийское движение «Демократическая Россия», а независимые газеты стали регулярно критиковать власти без серьезных последствий для себя. Коммунистическая партия теряла свою монополию на власть, а население было активным и верило в грядущие перемены. В Башкортостане также возникли общественные движения, призывавшие к развитию демократии и самоуправления наряду с протестами против широкомасштабного загрязнения окружающей среды [22]. В целом, все это укладывается в теорию либерализационных процессов Линца и Степана: ограничения на деятельность средств массовой информации смягчались, и появлялась возможность для возникновения политических групп, начинавших конкуренцию между собой.

Критическая точка обозначилась в 1990 г. по двум направлениям: (1) весной 1990 г. на первых по-настоящему свободных региональных выборах в СССР были сформированы региональные законодательные органы; и (2) оба региона объявили о своем суверенитете: Коми – в августе, а Башкортостан – в октябре 1990 г. [23]. Эти шаги были связаны с борьбой за власть между Горбачевым и недавно избранным Президентом России Борисом Ельциным, который призвал российские регионы брать столько суверенитета, сколько они смогут проглотить. Решение Ельцина использовать регионы в борьбе против советской власти стало краеугольным камнем всей постсоветской истории России.

На развитие обоих регионов повлияла позиция партийного руководства. В Коми первый секретарь обкома партии Юрий Спиридонов был избран в региональный законодательный орган, а затем стал его председателем. Кроме того, многие члены старой властной элиты сохранили высокие посты в регионе. В Башкортостане органы Коммунистической партии были *de facto* лишены власти накануне весенних выборов в законодательный орган. В феврале первый секретарь местного обкома КПСС был снят, потому что обком считал его неспособным вести республиканскую парторганизацию в новую эру демократических реформ. В дополнение к этому, он утратил поддержку влиятельных директоров предприятий республики, которые выступали за усиление экономической независимости от Москвы [24]. Таким образом, коммунисты пошли на выборы без сильного лидера и просто наблюдали за тем, как новый законодательный орган быстро сменил партийные органы в качестве властного центра. Председателем Верховного Совета Башкортостана был избран Муртаза Рахимов. Если Спиридонов лишь начинал свою карьеру в промышленности (угольной), то Рахимов всю жизнь проработал в нефтяной промышленности, что во многом способствовало поддержке его кандидатуры со стороны директоров промышленных предприятий [25]. В отличие от Спиридонова, Рахимов не был партаппаратчиком. Тем не менее он состоял в партии, что помогло ему заручиться голосами многих членов КПСС, избранных в законодательный орган. Он был новичком в политике, обещавшим новый стиль руководства, а также этническим башкиром, что привлекало к нему недавно активизировавшихся башкирских националистов. У Спиридонова, русского по национальности и уроженца Свердловска, были другие проблемы. Именно положением каждого из этих лидеров в коммунистической партии и их национальной принадлежностью объясняются те различия, которые проявились в путях развития их регионов в течение следующих десяти лет.

Переходный период I: осень 1990 г. – осень 1993 г.

Табл. 2. Сценарии выхода из ситуации неопределенности [26]

Положение акторов	Стратегии акторов		
	Компромисс	Сила	
Доминирующий фактор	«Примерение элит»	«Победитель получает все»	
Неопределенность	или «Борьба по правилам»	«Война всех против всех»	

Типология «выходов из неопределенности», предложенная Гельманом, может быть полезна как отправная точка при описании процессов развития каждого из регионов (Табл. 2). В Коми налицо признаки «примирения элит». Подобно соглашению, «примирение элит» подразумевает альянс ключевых элит, делящих власть в регионе между собой [27]. При этом, если соглашение объединяет лидеров на основе демократических процедур и обеспечивает им победу на выборах, то примирение элит не обязательно означает развитие этих процедур; оно фокусируется на поддержании положения элит независимо от того, являются ли вновь сформированные институты демократическими или нет. Поэтому соглашения зачастую распадаются после того, как демократические институты утверждаются в политической культуре лидеров и рядовых граждан [28], тогда как устойчивость примирения элит в большой степени зависит от способности правящих элит предотвратить существенные изменения баланса сил в регионе. Можно утверждать, что в Коми существовал первый аспект соглашения, а второй так и не появился [29]. Вместо этого примирение элит было разрушено внешними силами.

В течение первого переходного периода власть концентрировалась вокруг Верховного Совета Коми, возглавляемого Спиридоновым, и Совета Министров (правительства) во главе с Вячеславом Худяевым, который занимал этот пост с 1987 г. Когда Спиридонов был избран председателем Верховного Совета, Худяев стал депутатом. Дополнительный баланс был достигнут с точки зрения национальной принадлежности – Худяев как этнический коми уравнивал русского по национальности Спиридонова. Их положение относительно друг друга было сильным, что подтверждается примерно равным распределением их сторонников, проведенных ими на должности заместителей Премьер-министра [30]. Простой альянс между институтами исполнительной и законодательной властей и руководителями предприятий добывающих отраслей обеспечил согласие внутри республики и позволил выработать согласованную позицию в отношениях с федеральным центром. В 1992 г. Республика Коми подписала Федеративный Договор, которым был зафиксирован статус республик как государственных образований с широкими законодательными и исполнительными полномочиями на своей территории [31]. При этом препятствием на пути реальной демократизации была борьба за суверенитет по отношению к СССР и России, что было общим для многих постсоветских республик [32].

Если у Спиридонова и Худяева было много причин, чтобы работать вместе, в Башкортостане сложилась иная ситуация. Рахимов пришел в политику со стороны, тогда как пост Премьер-министра – так же, как и в Коми – занимал партийный функционер с большим стажем. С 1986 г. Премьер-министром был Марат Миргазямов, который в меньшей степени, чем Рахимов, был настроен на разрыв связей с Москвой. Соперничество между этими двумя лидерами было основной политической интригой до 1992 г., и в течение этого времени имела место ситуация, которая в типологии В.Гельмана определена как «война всех против всех». Не являясь «выходом» из неопределенности в чистом виде, этот тип борьбы продолжается до тех пор, пока не найдено окончательное решение [33].

Высокий уровень неопределенности в Башкортостане подчеркивается событиями, последовавшими после провала путча в Москве в августе 1991 г. После путча Президент Ельцин предпринял попытку ужесточить контроль за регионами и пригрозил перекроить административную иерархию в исполнительной ветви власти. В качестве оборонительной меры Верховный Совет Башкортостана принял решение провести выборы Президента республики. Законодатели надеялись, что лидер республики, избранный путем прямых выборов, будет иметь достаточную легитимность, чтобы противостоять процессу централизации. Однако, оказалось, что федеральное правительство, озабоченное предстоящим в январе 1992 г. началом экономических реформ, было более заинтересовано в компромиссе, чем в конфликте с непредсказуемыми последствиями. Между тем, социологические опросы показывали, что шансы Рахимова на победу на президентских выборах были не такими уж высокими. И Миргазямов, и другие кандидаты выглядели серьезными соперниками. Опасаясь возможного поражения, Рахимов счел, что текущее положение больше отвечало его целям и убедил Верховный Совет аннулировать уже введенные изменения в Конституцию.

Напряженность между Рахимовым и Миргазямовым в течение 1992 г. постоянно возрастала. Двоевластие в Башкортостане не позволяло должным образом управлять регионом. Каждый из соперников считал успеху в работе другого опасно для себя, что можно проследить на примере их попыток получить контроль над главами местных администраций. Наконец, в ноябре 1992 г. Рахимову удалось организовать успешную интригу против Премьер-министра. Несколько членов Кабинета министров уговорили уйти в отставку в знак протеста против Миргазямова. После того, как Верховный Совет отказал премьеру в вотуме доверия, Рахимов объявил о смещении Миргазямова. Хотя такое решение не совсем соответствовало нормам Конституции Башкортостана, Миргазямов признал свое поражение. Выход из неопределенности был достигнут, и Башкортостан вступил в новую фазу: «победитель получает все» [34].

К началу 1993 г. в двух регионах сложилась достаточно разная конфигурация власти. Хотя в Коми Спиридонов и был главной политической фигурой, Худяев являлся вторым человеком после него. Несмотря на двоевластие, между ними практически не было конкуренции. В Башкортостане же образца начала 1993 г. Рахимов стал неоспоримым единоличным лидером. Хотя он официально и не был «Президентом», серьезных политических противников у него не было. В обоих регионах ситуация поменялась радикальным образом после событий осени 1993 г. Эти события послужили второй критической точкой в политической трансформации обеих республик.

Критическая точка II: осень 1993 г. – весна 1994 г.

В октябре 1993 г. Президент Ельцин положил конец своему длительному соперничеству с Верховным Советом России, расстреляв здание парламента. Поддержка от регионов во время кризиса побудила Ельцина предпринять еще одну попытку усилить центральную власть Кремля. Своим указом, расширявшим полномочия региональных органов исполнительной власти и предписывавшим регио-

нальным советам проведение в ближайшем будущем выборов по новому законодательству (хотя для республик это предписание и носило характер рекомендации), Ельцин повысил ставки для региональных лидеров по всей России. Над председателями Верховных Советов вроде Спиридонова и Рахимова нависла явная угроза того, что эта рекомендация превратится в жесткое требование. Одновременно получили распространение слухи о грядущем назначении представителей центральной власти в те республики, которые до сих пор управлялись президиумами местных советов [35]. Ввиду возможной утраты своего положения, перед обоими лидерами встал выбор: либо сохранить существующее положение и быть постепенно вытесненным на политическую периферию, либо начать новую борьбу на условиях «победитель получает все», чтобы сохранить власть. В случае Рахимова, это была борьба за положение единоличного лидера, а в Коми новая ситуация означала конец примирения элит и начало периода неопределенности с возможным появлением такого лидера [36].

И Спиридонов, и Рахимов с помощью законодательных органов ввели в своих республиках пост Президента. Спиридонов инициировал референдум по вопросу введения поста Президента Коми, состоявшийся 12 декабря 1993 г. Вынесение этого вопроса на референдум угрожало Худяеву потерей поста главы правительства, т.к. с введением поста Президента контроль над исполнительной властью перешел бы именно к Президенту. Зная о своих низких шансах в возможной президентской гонке, Худяев был на некоторое время успокоен тем, что на референдуме решение принято не было. Однако, Спиридонов убедил «свой» высший законодательный орган принять новую Конституцию Республики Коми, которая предусматривала пост Президента в качестве «главы республики» [37].

В феврале 1994 г. Конституция Спиридонова была принята. Она предусматривала создание высшей должности в системе исполнительной власти с одновременным упразднением Кабинета министров. В то время Спиридонов уже воспринимался как наиболее компетентный лидер в регионе, а положение Худяева осложнялось [38]. Т.к. успешное политическое будущее связывалось с поддержкой Спиридонова, депутаты Верховного Совета приняли новую Конституцию. На майских выборах Спиридонов легко победил Худяева и двух других кандидатов [39]. Впоследствии Спиридонов использовал новую Конституцию и продолжавший существовать Верховный Совет для постройки административной и законодательной структуры в соответствии со своими предпочтениями.

В отличие от Спиридонова, осенью 1993 г. Рахимов уже был единоличным лидером в своей республике, что помогло ему добиться своей цели. Вопрос о создании президентской республики снова обсуждался еще до наступления осени 1993 г. Однако, тогда Рахимов сам публично высказался против введения поста Президента, так как он чувствовал себя достаточно комфортно на посту председателя Верховного Совета. События в Москве заставили его изменить свое мнение.

В ноябре 1993 г. были приняты предлагавшиеся еще в 1991 г. законы, устанавливающие пост Президента, а выборы были назначены на 12 декабря, в один день с федеральными [40]. К тому моменту Рахимов уже долго был лидером республики, а его соперники имели крайне мало времени для подготовки к выборам, что почти гарантировало Рахимову победу. Подобно Спиридонову, Рахимов был

застрахован от поражения благодаря тому, что он занимал пост председателя Верховного Совета, особенно учитывая, что новая Конституция должна была приниматься парламентом – а не народом – лишь после того, как стали бы известны результаты выборов. Новая Конституция защищала бы Рахимова как на посту Президента, так и на посту председателя Верховного Совета. В конечном итоге, Рахимов выиграл президентские выборы, набрав почти две трети голосов (64,0 %), а его единственный конкурент, банкир Рафис Кадыров, получил всего 28,5 %. Башкирская Конституция была принята 24 декабря 1993 г., и на следующий день Рахимов вступил в должность Президента.

Переходный период II: преодоление неопределенности – весна 1994 г. – март 1995 г.

В следующие примерно 16 месяцев после событий в Москве осенью 1993 г. в политическом развитии обоих регионов наблюдается поразительное сходство. Тот факт, что Рахимов стал Президентом и получил новую Конституцию раньше Спиридонова, объясняется сложившейся в Башкортостане ранее политической ситуацией. Спиридонову противостояли более серьезные соперники, препятствовавшие разрушению примирения элит, поэтому его восхождение потребовало более тщательной подготовки. Тем не менее, Спиридонов добился своего на каких-то пять месяцев позже. С избранием новых составов законодательных органов в начале 1995 г. переходный период в обеих республиках завершился. Оба высших должностных лица сумели протолкнуть новые Конституции, «избрать» зависимые от них законодательные органы и создать иерархические административные структуры. В обоих случаях лидеры использовали Верховные Советы для создания «своих» систем. Но, несмотря на это, индивидуальные характеристики каждого лидера и их республик повлияли на те институциональные решения, которые они принимали в ходе формирования политических структур в своих регионах.

В каждой республике национальный вопрос играл важную роль, но по-разному. В Коми Спиридонов, русский по национальности, находился среди русского большинства, что обеспечило ему свободу действий при формировании системы, не позволявшей этническим коми получать сколько-нибудь ощутимых политических преимуществ. Поэтому он смог пресечь попытки создания верхней палаты национальностей в новом парламенте, Государственном Совете, при обсуждении Конституции. Более того, ему удалось не допустить принятия языкового ценза, согласно которому глава республики должен был бы владеть и русским, и коми-зырянским языками, что лишило бы 80 % населения региона возможности баллотироваться на этот пост.

Перед башкиром Рахимовым стояла более сложная задача, т.к. башкиры являются лишь третьей по численности этнической группой в республике после русских и татар. В связи с этим, ему необходимо было гарантировать для башкир политических привилегий и избежать ситуации, при которой русское большинство стало бы доминировать в регионе, как это произошло во многих других республиках. Во-первых, башкирская Конституция требовала, чтобы кандидаты на президентский пост владели и русским, и башкирским языками, проживали в Башкортостане.

стане последние десять лет и находились в возрасте от 35 до 65 лет. На практике это означало, что около 75 % взрослого населения не могли претендовать на пост Президента. Во-вторых, законодательный орган Башкортостана, Государственное Собрание, имел две палаты [41]. Нижняя палата, Законодательное Собрание, состояло из 40 депутатов, работающих на постоянной основе и избираемых в округах с приблизительно равным количеством избирателей. Верхняя палата, Палата Представителей, формировалась путем избрания двух депутатов, работающих на непостоянной основе, от каждого из 77 административных районов.

В результате наибольшее представительство в верхней палате получило сельское население – лишь 18 из 154 депутатов (11,7 %) представляли 37 % избирателей, проживающих в трех крупнейших городах республики. Кроме того, система давала преимущество сельским башкирам и татарам по сравнению с более урбанизированными русскими. От кандидатов требовалось собрать не менее 5 % в своих избирательных округах, что было нарушением федерального законодательства, в котором этот порог был установлен на уровне 2 % [42]. Чем выше порог, тем больше шансов на победу имеют известные в округе фигуры. Таким образом, избирательная система была ориентирована на консервативный электорат и «официальных» кандидатов. Если нижняя палата выглядела относительно эгалитарной по своему составу, то верхняя палата состояла преимущественно из сельских башкир, таких, как сам Рахимов.

Новый башкирский парламент был избран в марте 1995 г. Результаты выборов подтвердили самые серьезные опасения относительно избирательной системы. Все главы местных администраций успешно прошли в Палату Представителей. Почти все члены правительства, включая Премьер-министра, получили «проходные» округа и победили в них (26 мест). В общей сложности, не менее 75 % депутатов в верхней палате занимали государственные должности, что предопределило их прямую зависимость от Президента, а надо учитывать еще и депутатов, руководивших де-факто государственными предприятиями.

В Коми Спиридонов создал Государственный Совет из 50 депутатов, который должен был работать на него. Так же, как и ранее Верховный Совет, новый парламент не был профессиональным законодательным органом. Это означает, что в периоды между сессиями многие из действий Совета зависят главным образом от его председателя. Кроме того, на этапе разработки тогда еще существовавшим Верховным Советом Конституции и закона об исполнительной власти Спиридонов добился включения в них положений, позволявших ему формировать состав Государственного Совета. Для этого у него было несколько возможностей. Двадцать членов Государственного Совета избирались от районов территориального/регионального значения. При этом, руководители этих районов были включены в вертикаль исполнительной власти, их главы районных администраций назначались главой республики. Еще 30 членов Совета избирались в округах с равной численностью. Результатом такой системы стало то, что в январе 1995 г. 13 из 20 глав районов были избраны в Государственный Совет, наряду с другими кандидатами, которые были, или стали впоследствии, «привязаны» к Президенту через свои министерские должности [43]. Кроме того, 16 промышленных «генералов» Коми, которые хотя и меньше зависели от Спиридонова, получив места в Совете, также от-

личались последовательной поддержкой Президента. Таким образом, Спиридонов создал «карманный парламент» [44].

Еще одним ключевым фактором политической деятельности обоих лидеров стало создание системы местного самоуправления, которое отличалось иерархической административной структурой и находилось под контролем исполнительной власти. Несмотря на то, что Конституции двух регионов гарантировали право на местное самоуправление, система была выстроена так, чтобы обеспечить полную зависимость местных органов от исполнительной власти, в том числе через бюджетные ограничения. В обеих республиках, главы местных администраций, как правило, не избирались, а назначались главой республики. Местные советы оставались выборными органами, однако, их роль ограничивалась утверждением бюджетов, разработанных главами администраций совместно с исполнительной властью республик.

Обе политические фигуры создали системы, удовлетворявшие их индивидуальные потребности. Задача Спиридонова – довольно простая – состояла в недопущении предоставления особых привилегий коми, а Рахимов стремился обеспечить политические льготы башкирам, что требовало большего внимания к деталям. В обоих случаях новые Конституции этих республик сильно напоминали новую Конституцию России. Многочисленные упоминания о демократии, правах человека, гражданских свободах и защите титульных наций создавали впечатление открытого пути для развития демократии. На практике же реализация положений этих Конституций зависела от исполнительной власти, которая по своей сущности зачастую была далекой от демократии. После создания новых законодательных органов к весне 1995 г. в обеих республиках завершился демократический переход, как его определяют Линц и Степан: приняты устанавливающие основные правила Конституции, к власти пришли правительства, сформированные путем относительно свободных и справедливых выборов и *de facto* имеющие возможность проводить свою политику, не деля при этом *de jure* власть с какими-либо другими структурами [45].

На этом этапе вопрос о качестве демократии приобретает особую важность для понимания глубины и характера «демократического» режима [46]. Ведь ни Коми, ни Башкортостан не укладываются в западные представления о функционирующей демократии.

Консолидация режима: начало 1995 г. – настоящее время

Оба политических режима проделали большой путь к консолидации, но не как демократические режимы. Это особенно верно для Башкортостана, который имеет явные признаки авторитарной модели, хотя и в Коми создана похожая модель, которую, пожалуй, можно назвать мягким авторитаризмом. В конечном счете, различия в соотношении численности этнических групп в этих двух регионах помогают объяснить, почему Башкортостан является более авторитарным обществом, чем Коми, как в теории, так и на практике. Сохранение власти меньшинства требует более жестких мер, чем обеспечение господства большинства, независимо от того, проходит ли граница между меньшинством и большинством именно через

национальный вопрос. Стратегии, используемые каждым режимом для сохранения власти, представляют разные методы для достижения одной цели. Для объяснения этих стратегий авторы используют модель Линца – Степана, предполагающую наличие трех измерений и пяти областей демократической консолидации. Хотя сейчас этническая структура власти уже не объясняет различия в путях развития в той степени, в какой это имело место на переходном этапе, она продолжает играть важную роль, однако на первый план выходит степень контроля режима над экономическими ресурсами.

Измерения консолидированной демократии

И Коми, и Башкортостан должны еще много сделать для достижения демократической консолидации. Сила положения Спиридонова очевидна, тогда как Рахимов с его режимом меньшинства сталкивается с более серьезными угрозами. Преобладание русских в Коми является традиционным явлением как для Российской империи, так и для СССР. Поэтому, многие национальные элиты в Коми были ассимилированы, если не кооптированы в руссоцентричную структуру власти. Хотя татары и русские выиграли в экономическом плане от альянса с «правлящим» башкирским меньшинством, доминирование башкир во властных структурах является аномальным для современной России и таит в себе многочисленные проблемы для Рахимова. Интересно, что в ходе развития обоих регионов в разрезе этих трех измерений были созданы системы, демонстрирующие «неожиданно» высокую стабильность и признаки консолидации.

Поведение

Ни в Коми, ни в Башкортостане нет сколько-нибудь влиятельных экономических, политических или социальных сил, стремящихся к созданию недемократического режима или к отделению от региона силовым путем [47]. В Коми, несмотря на существование мелких «радикальных» националистических сил, основной представитель народа коми, Комитет по возрождению нации коми, не предлагает резких шагов. Его лидер, Валерий Марков, является союзником Спиридонова, что и помогло Маркову стать депутатом Государственной Думы в декабре 1999 г. Точно так же, в Башкортостане Рахимов смог подчинить себе Башкирский национальный центр «Урал», который является самой крупной организацией этнических башкир. Своей неформальной политикой Рахимов практически уничтожил башкирский экстремизм. Оппозиционные силы, понимая, что русско-татарское большинство вряд ли готово сотрудничать с режимом национального меньшинства, требуют *больше* демократии. Они считают, что демократия в республике еще не установлена.

Отношения

Хотя народ Коми и не выступает против демократии, он, тем не менее, не принял в массе своей демократические процедуры и институты. В 1994 г. жители республики выражали неуверенность относительно значения слова «демократия» и

демонстрировали апатию, когда им предлагали определить свое положение относительно политических институтов. Это явление объясняется длительным экономическим спадом в России; тяжелые условия для жизни отвлекли внимание общества от того, какова должна быть *форма* власти. Население находится в ожидании воцарения стабильности, независимо от типа политической системы. Люди хотят видеть лидера, который принесет им стабильность. В такой ситуации сложно определять их истинное отношение к принципам демократии [48].

В Башкортостане также налицо тенденция к сильному лидерству и приоритетом результатов над процессом. Тем не менее, выборы 1998 г. показали неожиданно высокое разочарование стилем руководства Рахимова. Даже после сомнительных решений избирательной комиссии, снявшей с выборов всех серьезных соперников Рахимова и оставившей на дистанции лишь министра лесного хозяйства Рифа Казаккулова, решившегося «бросить вызов» своему боссу, почти 30 % избирателей проголосовали либо за Казаккулова, либо против всех. Сравнив эту цифру с результатами выборов в соседнем Татарстане, Мордовии, Орле и Новгороде, где действующие лидеры набирали более 90 % голосов, можно сделать вывод о неожиданно широкой оппозиции Рахимову. По иронии судьбы, в отсутствие надежных демократических процедур избиратели Башкортостана продемонстрировали более сильное желание к переменам во власти и, следовательно, к демократизации, чем избиратели в Коми.

Конституция

Если говорить о Конституции Республики Коми, то налицо признаки быстрого движения к консолидации. Конституция Коми, хотя и создавалась под диктовку Спиридонова, соблюдается по всей республике. Хотя некоторые районы и отказывались выполнять положения Конституции о местных администрациях, она достаточно хорошо выполняет функцию основного закона для местных политиков. Однако, только если когда-нибудь будет существовать непослушный Президенту парламент, можно будет по-настоящему оценить конституционную демократическую консолидацию режима в Коми.

В связи с этим необходимо принимать во внимание российскую Конституцию почти в качестве внешнего влияния на внутренние процессы [49]. Оба региона зачастую игнорировали Конституцию России, а также решения Верховного и Конституционного Судов России. Наиболее ярким примером здесь является неисполнение федерального закона 1995 г. о местном самоуправлении [50]. Открытое несоответствие федеральному законодательству проявилось и при проведении президентских выборов в Башкортостане в 1998 г. Вообще, при разных выборах в этой республике международные наблюдатели выражали серьезную озабоченность относительно законности и справедливости процесса. Так же, как и в Коми, Конституция Башкортостана была скроена под действующего лидера, обеспечивая ему сохранение и укрепление его положения в регионе. Несмотря на это, власть не жалеет сил, чтобы подчеркнуть законность действий Президента в рамках этой Конституции, указывая на то, что Президент все-таки соблюдает хоть какие-то ограничения.

Своим относительным успехом в частичном игнорировании федеральной Конституции и федерального законодательства оба региона обязаны своим особым статусам и относительно благоприятному экономическому положению, особенно на фоне бедной страны. Ни один из этих регионов не получает существенных трансфертов из центра для пополнения своих бюджетов. Именно благосостоянием объясняются те преимущества в своих отношениях с центром, которые получили эти два региона, особенно Башкортостан, зафиксировав их в договорах о разграничении полномочий с федеральными властями в середине 1990-х гг.

Попытка оценить уровень консолидации этих регионов по трем вышеприведенным компонентам демократической консолидации дает смешанную картину. Однако, при анализе в разрезе пяти областей (Табл. 1) признаков демократической консолидации выявляется значительно меньше, несмотря на значительное взаимопроникновение «компонентов» и «областей». Более того, особенно нечеткая картина получается в области институционального развития, т.к. пять областей еще и взаимозависимы. В целом, становится понятно, насколько далеко еще придется продвинуться Коми и Башкортостану, чтобы стать настоящими демократиями.

Области демократической консолидации [51]

С помощью экономических факторов можно объяснить сходство и (главным образом) различия в консолидации двух режимов. За редким исключением вроде шахтеров Крайнего Севера, отношения между группами, этническими или иными, в Коми более ровные, чем в Башкортостане. Это следует признать преимуществом Спиридонова перед Рахимовым в плане перспектив сохранения власти. С другой стороны, у Спиридонова нет такого контроля над экономическими ресурсами своего региона, как у Рахимова. Однако, тот факт, что ни у одного из лидеров нет обоих козырей, говорит о слабости обоих режимов. Спиридонов должен обращать усиленное внимание на такие экономические силы, как нефтяной гигант ЛУКОЙЛ, и в целом больше, чем Рахимов, вынужден считаться с корпоративными интересами. Рахимов не ощущает такого давления со стороны экономики, однако, вынужден применять более жесткие методы управления, чтобы противостоять более сильной оппозиции.

В стратегиях двух лидеров, которые они используют для сохранения власти, много сходства, но все же они ясно отражают фундаментальные различия в экономическом развитии и демографической структуре двух регионов. По мере того, как оба лидера вели борьбу за сохранение своего политического положения, они создали политические институты, структура которых наилучшим образом соответствовала их целям. Они создали управляемую, или даже зависящую от них, государственную бюрократию и законодательство, направленное на сохранение этой зависимости и преимуществ режима. Оба лидера имеют дело с политическими угрозами, исходящих из двух секторов – политического общества и гражданского общества – которые не поддаются прямому воздействию. Различия в стиле руководства двух лидеров объясняются различиями демографических характеристик их двух регионов. Нами предпринята попытка описания экономических областей двух регионов, после чего проведено сравнение подходов Спиридонова и Рахимова к фор-

мированию своих политических аппаратов и предупреждению появления «независимых» акторов. В результате оценки характеристик каждого режима будет показано, что ни один из них не является демократическим.

Экономическое общество

После отказа от советской командно-административной экономики перед всеми российскими регионами встала проблема создания политически регулируемого рынка. Хотя оба исследуемых региона обладают богатыми запасами природных ресурсов, результаты приватизации в них сильно отличаются. Тем не менее, в обеих республиках получили развитие определенные корпоративные взаимоотношения. Влияние промышленности на принимаемые в Коми политические решения породило социальный корпоратизм, тогда как в Башкортостане, ввиду определяющей роли государства при распоряжении природными ресурсами (в том числе путем госсобственности), развился государственный корпоратизм. Именно этим объясняется разная степень независимости каждого из лидеров.

Говоря простым языком, Спиридонов вынужден прислушиваться к пожеланиям промышленников в силу того, что налоговые отчисления предприятий нефтегазовой промышленности составляют основу доходной части бюджета Коми, и это ослабляет его положение, т.к. основными игроками в этих секторах являются не региональные компании, а такие гиганты, как ЛУКОЙЛ и Газпром. Эта зависимость вынуждает Спиридонова идти навстречу, например, ЛУКОЙЛу в вопросах льготного налогообложения продажи нефти или внутрифирменных товарных потоков [52], что он вынужден делать, учитывая то финансовое влияние, которое ЛУКОЙЛ в состоянии оказать на исход любых региональных выборов [53]. Еще одной характерной чертой экономического общества Коми являются взаимоотношения между «генералами» (руководителями) промышленности и политической властью. С 1995 г. промышленные лидеры занимали 20-25 % мест в Государственном Совете. Хотя эти представители, как правило, работают в альянсе со Спиридоновым, их присутствие знаменательно само по себе.

Слабость политической власти по отношению к экономике, так явно проявляющаяся в Коми, почти полностью отсутствует в Башкортостане. По сути дела, сила Рахимова во многом основывается на его контроле над крупнейшими секторами республиканской экономики. Если Россия в целом движется в сторону частного экономического уклада, в Башкортостане установлен более или менее прямой контроль над жизненно важными отраслями народного хозяйства. Используя наличие у предприятий задолженности по налогам, к 1996 г. Рахимов увеличил долю республиканской собственности в нефтеперерабатывающем секторе с 51 % до 90 %. Власть сейчас контролирует почти весь нефтяной сектор, которым управляют близкие к Президенту люди. Подобным образом, республиканский «Башкредитбанк» (ныне банк «Уралсиб». – *Прим. ред.*) занял господствующее положение в банковском секторе за счет привилегий, предоставленных ему властями республики. В республике не были расформированы колхозы и совхозы, в результате чего аграрный сектор зависит от бюджетного финансирования [54]. Взаимоотношения между государством и экономическими субъектами строятся, как правило, не на

основе норм, институтов и законодательных актов, а на основе личной преданности, родственных связей и политической целесообразности.

Несмотря на огромные природные ресурсы, ни Коми, ни Башкортостан не избежали всех экономических трудностей, с которыми столкнулась Россия. При этом структура экономики стала фактором, определяющим разницу в положении двух лидеров. Так, неразвитость лесной и угольной промышленности Коми обусловили слабость позиций Спиридонова по отношению к нефтегазовому сектору, дающему львиную долю налоговых поступлений [55]; в то же время, контроль Рахимова над основными отраслями, даже несмотря на некоторую слабость сельского хозяйства, позволяет ему получать поддержку по большей части сельского населения Башкортостана путем субсидирования села. Тот факт, что сельскохозяйственные предприятия Башкортостана находятся в относительно неплохом финансовом положении, только укрепляет позиции Президента [56]. В результате экономических трансформаций режим в Коми, хотя и более ориентированный на свободный рынок, более уязвим в краткосрочной перспективе из-за постоянной угрозы разрыва внешних хозяйственных связей, чем ориентированный на государственное управление экономикой режим в Башкортостане. Тем не менее, поведение властей в Коми больше напоминает функционирующее демократическое общество с присущим ему плюрализмом [57].

Государственная бюрократия

Польза государственной бюрократии определяется ее способностью предоставлять обществу услуги и тем, насколько она является инструментом для реализации планов избранного руководства. Как для России в целом, так и для ее регионов характерны проблемы с коррупцией, сбором налогов и распределением доходов и доступа к услугам. Как в Коми, так и в Башкортостане качество услуг, предоставляемых государством, например, здравоохранения и образования, ухудшилось. Находясь в такой ситуации, политические режимы в обоих регионах построили вертикальную систему власти для поддержания постоянного контроля над территориями.

И Спиридонов, и Рахимов установили свои системы контроля путем обхода, игнорирования или даже замены федерального законодательства. Например, они проигнорировали требования федерального законодательства об обязательной выборности органов исполнительной власти районов. Вместо этого они напрямую назначают глав исполнительной власти на местах и/или «рекомендуют» их кандидатуры местным законодательным органам. Люди, ставшие таким образом главами местных администраций, имеют больше шансов избираться от своих территорий в республиканские законодательные органы, чем любые конкуренты. Иллюстрацией этих выводов служит тот факт, что «всего» 65 % глав местных администраций были избраны в республиканский законодательный орган Коми в 1995 г., тогда как все такие кандидаты победили на аналогичных выборах в Башкортостане в том же году [58]. Еще более откровенной была практика, применявшаяся в Коми вначале (а в Башкортостане и до сих пор), когда поощряется избрание в законодательные

органы людей, занимающих другие государственные посты, что нарушает принцип разделения между исполнительной и законодательной ветвями власти [59].

Считается, что старые партийные работники в Коми продолжают управлять бюрократией [60], а администрация Коми тратит гораздо больше средств на бюрократию, чем власти соседних регионов, через систему резервных фондов [61]. Огромные капиталовложения в Академию государственной службы в Коми заставляют предположить, что бюрократы, будь то бывшие члены партии или нет, получают существенные дополнительные доходы [62]. В Башкортостане в этой области важную роль играет национальная принадлежность. Этнические башкиры настолько широко представлены в политических и административных структурах, что это явно не соответствует уровню их образования и опыта. Скорее, все наоборот. Даже, если бы принадлежность к одной национальности сама по себе не означала бы лояльности, многие члены башкирской элиты обязаны своей профессиональной карьерой Президенту, и именно с ним связаны их будущие перспективы [63].

Хотя в Коми национальная принадлежность не является важнейшим фактором кадровой политики в бюрократических структурах, во всем остальном подбор людей на административные должности в двух регионах основан на схожих принципах. Личная преданность, ключевой признак клиентелизма, является основной валютой, используемой в отношениях между республиканской бюрократией и верхушкой исполнительной власти. Эти же принципы до известной степени распространяются и на законодательную власть, которая по определению менее управляема.

Законность

Сила закона и юридических институтов оказывает влияние на развитие экономики и демократической практики. В качестве отправной точки логично выбрать Конституцию региона. Выше было показано, что Конституции Коми и Башкортостана позволяют главам этих регионов сохранять и укреплять свою власть в своих регионах. С момента их принятия, Конституции, как и вся юридическая система, зачастую становились «игрушкой» в руках политических лидеров, которые диктуют свою волю законодательным органам и игнорируют судебную систему. Поэтому во многие важнейшие законы и в сами Конституции неоднократно вносились изменения, тогда как ключевой характеристикой демократического общества является их стабильность. Хотя права личности защищены более последовательно, чем в советский период, как в самих Конституциях, так и на практике, ясно, что политические лидеры и правоохранительные органы сталкиваются с серьезными трудностями в борьбе с некоторыми видами преступности.

Основная законодательная проблема и в Коми, и в Башкортостане заключается в «международном» характере регионального законодательства, зачастую ведущем к нарушению федеральных законов. И здесь также наиболее ярким примером является намеренное неисполнение требований закона 1995 г. о местном самоуправлении, несмотря на многочисленные решения региональных (в случае Коми) и федеральных судов о необходимости неукоснительного выполнения их требований. Например, в июне 2000 г. федеральный прокурор выявил в Конституции Коми

24 случая противоречия Конституции России [64]. Неизвестно, будут ли устранены эти противоречия в ближайшем будущем, т.к. власти Коми часто трактовали Конституцию Коми как имеющую приоритет над федеральной [65]. Схожая ситуация сложилась в Башкортостане. Например, в числе кандидатов, снятых с президентских выборов 1998 г., были два депутата Государственной Думы России. Например, после снятия оппозиционных кандидатов с президентских выборов 1998 г., экстренное решение Верховного Суда России о восстановлении регистрации депутата Государственной Думы Александра Аринина и ветерана политики Марата Миргазямова было проигнорировано. После выборов Верховный Суд России признал их отстранение от участия в выборах незаконным. Тем не менее, в проведении повторных выборов было отказано [66].

Вопрос законности в обоих регионах не сводится к тому, исполняются ли законы. Например, заместитель председателя Государственного Совета Коми Иван Кулаков заявляет, что законы исполняются до последней запятой: как и планировалось, была создана система с сильной исполнительной властью и слабой законодательной. Кулаков считает, что те, кто критикует парламент, просто не понимают Конституцию [67]. Схожие аргументы выдвигаются и в Башкортостане, где правительство достаточно прямо заявляет о полной конституционности действий Президента Рахимова. Так, настоящим испытанием законности станет только избрание более независимых региональных законодательных органов или укрепление центрального правительства.

Гражданское общество

Гражданское общество в обоих регионах развито слабо. Это вызвано несколькими факторами, наиболее важными из которых являются тяжелое экономическое положение и официальное противодействие активным, независимым организациям. Эти факторы прослеживаются и в Коми, и в Башкортостане, прежде всего в сфере образования независимых групп и развития независимых средств массовой информации. Ни в одной из этих сфер не отмечается положительных сдвигов в сторону создания сильного, независимого гражданского общества в краткосрочной перспективе, хотя и здесь ситуация в Башкортостане хуже. Низкий уровень жизни и применение доставшейся в наследство практики цензуры являются скорее правилом, чем исключением, определяющим развитие гражданского общества.

В Коми эйфория горбачевской эры улетучилась в 1992 г., когда из-за ухудшения экономического положения у людей уменьшилось желание участвовать в общественной жизни. Хотя в последние годы этот интерес в некоторой степени возрождается [68], все группы находятся в стесненном финансовом положении. В результате эти организации часто оказываются перед выбором: получить финансирование из регионального бюджета и потерять независимость или сохранять независимость в условиях постоянной нехватки средств. Бюджетное финансирование является благом для групп, занимающихся оказанием социальных услуг. Однако, если организация ставит перед собой более широкий круг задач, угроза прекращения финансирования ограничивает ее действенность [69]. Налицо более острая ситуация в Башкортостане, где Рахимов обычно называет критиков экстремистами и

не выказывает никакого уважения к политической оппозиции. Хотя люди и имеют право образовывать ассоциации, они сталкиваются с сильным противодействием, как только их цели вступают в конфликт с официальной политикой правительства.

Бедственное положение гражданского общества в обоих регионах наилучшим образом может быть проиллюстрировано на примере средств массовой информации, важнейшего проводника интересов социальных групп и инструмента оказания политического давления. В 1993-1994 гг. несколько независимых газет в Коми выступали с легкой критикой политики правительства [70], однако, после кризиса 1998 г. ситуация изменилась. Сейчас почти все местные газеты субсидируются из регионального бюджета, что заставляет журналистов избегать трений с правительством [71]. В Башкортостане ситуация опять-таки хуже. Газеты, печатающие критические материалы, по сути дела запрещены на территории республики. На примере предвыборных кампаний, начиная с 1993 г., видно, что башкирское руководство делает все возможное, чтобы не дать оппозиции донести до общественности свое мнение. Если в Коми журналистов лишают аккредитации и увольняют телерепортеров [72], то в Башкирии журналистам угрожают, их избивают и арестовывают, газеты и радиостанции закрывают, а новости центрального телевидения снимают с эфира [73]. В 1999 г. Башкортостан занял последнее место среди регионов России по уровню свободы печати [74].

В борьбе с «независимой» угрозой каждому из режимов помогли экономические трудности. Независимые голоса очень часто не слышны из-за недостатка средств, при этом в обоих регионах государственные финансовые ресурсы используются для поддержания политически надежных организаций. То, что в Башкортостане власти применяют более жесткие методы, объясняется тем, что меньшинству труднее оставаться у власти. Тот же фактор относится и к развитию политического общества.

Политическое общество

Как часть общества, вовлеченная в борьбу за власть и являющаяся носителем разнообразных, часто противоречивых, тенденций, политическое общество в России развито слабо. В целом, политические партии почти не представлены в регионах и мало участвуют в работе региональных законодательных органов. Во многих регионах, тем не менее, довольно значительное развитие получили «партии власти», с помощью которых региональные лидеры пытаются заручиться благосклонностью политиков федерального масштаба, создавая условия для федеральных партий. Учитывая, что такая лояльность редко бывает длительной, общероссийские политические партии крайне медленно расширяют свое присутствие в регионах.

В Коми и в Башкортостане представлены все основные общероссийские политические партии. Однако, зачастую региональные отделения партий насчитывают 10-20 членов, испытывают трудности с финансированием и не вызывают интереса общественности. В Государственном Совете Коми, как правило, присутствуют 1-2 депутата от партии «Яблоко» и 2-3 депутата от левых. Совершенно по-другому обстоят дела у партий власти. В Коми быстрой чередой сменяли друг дру-

га «Наш дом – Россия» (НДР) Премьер-министра Виктора Черномырдина, партия одного из его преемников, Евгения Примакова, партия мэра Москвы Юрия Лужкова и нынешний фаворит – партия «Единство» Президента Путина.

Парадоксально, но, несмотря на все попытки региональных властей ограничить местное самоуправление, именно на местном уровне наблюдается наиболее существенное развитие партий. В Коми и НПСР (Национально-патриотический союз России) – альянс социалистических и патриотических политических организаций, и «Яблоко» – центристская партия реформ, были удовлетворены результатами выборов 1999 г. в районные советы: в некоторых из 20 районов им удалось создать небольшие фракции [75]. Этот успех на самом деле не так велик, потому что многие из прошедших в советы членов партий работают в местных бюрократических структурах и зависят от региональных властей. Как и следовало ожидать, в Башкортостане ситуация более тяжелая. Здесь наиболее активной оппозицией являются «Яблоко» и Коммунистическая партия (КПРФ). Масштаб их деятельности, однако, ограничен: ни одна из партий не представлена в региональном законодательном органе, что является результатом действия существующей избирательной системы, дающей преимущества официальным представителям администрации перед кандидатами-политиками. Партиям не хватает эффективного освещения их деятельности в средствах массовой информации, и они не воспринимаются как организации, способные на серьезные политические решения. Наконец, выборы в Башкортостане никак нельзя назвать «справедливыми». Президентские выборы 1998 г., когда кандидаты от партий были исключены из списков, стали лишь наиболее ярким из целого ряда примеров [76].

Одним из факторов, объединяющих развитие политического общества в обоих регионах, является желание политической власти использовать свое влияние на законодательные органы для осуществления институциональных изменений, направленных на расширение их полномочий, в противовес демократическим ожиданиям стабильности основных региональных законов. Спиридонов активно применяет такую тактику [77], но пример Башкортостана снова более показателен: в январе 1996 г. и без того минимальная независимость регионального законодательного органа была еще раз урезана по инициативе Рахимова. Был принят закон, уничтожающий даже видимость демократической системы сдержек и противовесов: раздельное голосование двух палат было заменено «возможностью» совместного голосования по мере необходимости. При этом, на совместных сессиях пропрезидентское квазиинституциональное большинство в Палате Представителей легко нейтрализует потенциальную оппозицию со стороны гораздо меньшей по численности Законодательной Палаты.

Уровень развития политического общества в двух республиках четко отражает дистанцию между мягким авторитаризмом Спиридонова и жестким авторитаризмом Рахимова. Спиридонов был очень популярным кандидатом среди населения, дважды выигрывал выборы с большим отрывом от других влиятельных кандидатов. Рахимов же никогда не был склонен подвергать проверке свою популярность в Башкортостане, пытаясь таким образом защитить свое положение как представителя меньшинства в противостоянии с двумя существенно превосходящими по численности группами. Поэтому Спиридонов, который еще и более зависим от

экономической элиты, использует относительно приемлемые методы для поддержания своей власти, а Рахимов ограничивает любую угрозу своему положению путем силового давления и манипуляций. Пока оба режима будут заняты ограничением деятельности оппозиции, ни в одном из этих двух регионов не будет развиваться политическое общество с демократическим лицом.

3. Заключение

Оба режима, проанализированные в настоящей статье, консолидировались. Однако, вместо того, чтобы сделать это на демократической основе, они пошли путем авторитаризма, в особенности Башкортостан [78]. Рассматривая развитие этих регионов в разрезе характеристик, представленных в Табл. 3, становится понятно, что оба режима стоят ближе к авторитаризму, чем к демократии. В лучшем случае налицо возникновение «авторитарных ситуаций», т.е. режимов, имеющих демократический фасад, но управляемых в авторитарном стиле [79]. Эти режимы могут быть также определены как «делегативные демократии» [80], т.е. режимы, в которых глава исполнительной власти вертикально подотчетен народу во время выборов, но горизонтально не подотчетен другим политическим институтам [81].

Т.к. как оба режима проявляют явные признаки консолидации, это означает, что определенный переходный период завершен. Сам процесс перехода в определенной мере даже шел по демократической «траектории». По определению Линца и Степана, есть основания говорить о *демократическом* переходе. Однако, исследование на конкретных примерах, предпринятое нами, служит предупреждением о том, что хотя основание режима и может быть заложено на этапе демократического перехода, это еще не означает, что режим придет в своем развитии к функционирующей демократии.

Табл. 3: Характеристики идеальных типов авторитарного и демократического режимов [82]

Характеристики	Тип режима	
	Авторитарный	Демократический
Плюрализм [83]	Политическая система с ограниченным политическим плюрализмом, но часто с широким социальным и экономическим плюрализмом.	Ответственный политический плюрализм, усиленный автономией общества.
Идеология	Отсутствие тщательно проработанной направляющей идеологии, но налицо явные проявления недемократического менталитета.	Приверженность гражданским свободам и процедурам состязательности. Индивидуализм является ценностью.
Мобилизация	Незначительная интенсивная или экстенсивная политиче-	Участие через автономно развивающиеся граждан-

ская мобилизация [84].

ское общество и конкурирующие политические партии. Низкая мобилизация со стороны режима.

Руководство

Лидер или небольшая группа лиц обладают властью на основе недостаточно определенных, но предсказуемых норм.

Свободно избранное в рамках Конституции руководство и регулярные свободные выборы.

Одним из вопросов, требующих изучения, являются намерения акторов. Ни Спиридонов, ни Рахимов ни разу не продемонстрировали попыток продвинуться к чему-то большему, чем чисто электоральная демократия. Однако, учитывая дух времени и внешнее давление со стороны Кремля и из-за рубежа, им обоим приходится маскировать суть своих режимов за демократическими фасадами. Каждый из них внешне действовал в духе демократизации, но на практике оба построили режимы, которые продолжали политическую культуру и практику своих предшественников. Политические институты существуют, но принятая в этих институтах практика мало чем отличается от той, что применялась раньше. Итог, к которому пришли эти и многие другие российские региональные лидеры, удовлетворяет самому общему определению завершенного перехода, но до настоящей демократической консолидации еще далеко. С другой стороны, такая ситуация не может быть названа откатом в прошлое; она полностью гармонирует с прошлым и, по сути, никогда с ним не расставалась. Нужно помнить, что история России полна «потемкинских деревень». Пользуясь терминологией Гельмана, мы имеем переход от одного авторитарного или посттоталитарного режима к некоему «другому» режиму, при этом никогда не прибыв к демократическому финишу.

Предпринятый нами сравнительный анализ высвечивает препятствия, стоящие на пути политических трансформаций в посткоммунистических регионах по всему миру, и порождает новые вопросы. Например, как влияние демографического дисбаланса может быть минимизировано в периоды политических перемен? Всегда ли правительства национальных меньшинств являются более авторитарными, когда сталкиваются с интересами более многочисленных групп? Например, каким образом этнические якуты сосуществовали с превосходящим русским населением в Саха-Якутии, или как это осуществляли казахи в Казахстане? Политические права крупных русских общин в Эстонии и Латвии неоднократно нарушались, что несовместимо с западными демократическими нормами. Могут ли меньшинства эффективно участвовать в политических процессах как независимые, ответственные акторы в условиях дефицита ресурсов? Этот вопрос можно отнести к любому финно-угорскому региону России, а также к многонациональным Хорватии, Эквадору или Перу.

В России необходимо помнить об особенностях асимметричного федерализма применительно к неравенству между 21 республикой и 68 остальными регионами. Является ли право принимать собственную Конституцию преимуществом для национальных регионов? Указывает ли такое неравенство на глубинную сла-

бость в целостности России, и федеральные власти должны проявлять максимальную деликатность в этом вопросе? Возможно, что основным фактором, определяющим независимость регионов, является их экономическое положение, что, в частности, объясняет относительную силу такого региона, как Нижегородская область. Если так, то не превратится ли Россия в общество, где будут доминировать несколько богатых регионов, а большинство их слабых собратьев останутся бедными? Вопросы распределения богатства влияют на процесс демократизации по всему миру, в том числе и на уровне государств. Достаточно упомянуть богатый природными ресурсами Эквадор, где, тем не менее, налицо сильное экономическое и политическое неравенство. Ситуацию в Эквадоре можно сравнить с российской, хотя в России неравенство появилось не так давно, и Россия имеет преимущество в виде своего высокообразованного населения.

Несмотря на возражения некоторых ученых, посткоммунистические трансформации можно сравнивать с трансформационными процессами по всему миру. Конечно, некоторые аспекты экономического и политического наследия посттоталитаризма свойственны исключительно посткоммунистическим обществам, более общие особенности переходных периодов разных стран вполне сравнимы между собой. При таком сравнении важно изучение теоретически интересных вопросов разного рода, почти вне зависимости от уровня анализа.

Возвращаясь к тому, что Коми и Башкортостан не являются независимыми государствами и над ними существуют структуры власти более высокого уровня, становится понятным, что в результате проводимых в настоящее время Президентом Путиным реформ может возникнуть новая критическая точка в политическом развитии регионов. Путин пытается добиться от региональных лидеров более полного соблюдения федерального законодательства, хотя ясно, что у центра недостаточно ресурсов, чтобы требовать этого в жесткой форме. Показательно, что центр отказался от намерения ограничить полномочия региональных лидеров двумя сроками и инициировал принятие закона, разрешающего им баллотироваться в третий раз. Спиридонов уже объявил о своем решении воспользоваться этим правом, а Рахимов пока не сделал этого. С учетом влияния «внешних» сил на региональную политику, во многих региональных режимах возможно возвращение переходной неопределенности. Однако, политические события 1990-х гг. показывают, что региональные лидеры в России, особенно в регионах с большими политическими и экономическими ресурсами, имеют значительный потенциал, чтобы оградить себя от влияния федерального курса. Критические точки ведут к возникновению новых возможностей в регионах, но этого, как правило, недостаточно для радикального перераспределения имеющихся материальных, финансовых и политических ресурсов. Федерального законодательства и номинальной поддержки ценностей демократии и прав человека мало для стабильной демократической консолидации российских регионов. Вместо этого личные амбиции региональных лидеров, вкупе со структурными преимуществами, проистекающими из статуса «республики» и положения богатого региона в бедной стране, приводят к появлению авторитарного режима, замаскированного «демократическими» институтами.

Примечания

1. McFaul M. Authoritarian and Democratic Responses to the Financial Meltdown in Russia // *Problems of Post-Communism*. 1999. Vol. 46. No. 4; Petro N. The Novgorod Region: A Russian Success Story // *Post-Soviet Affairs*. 1999. Vol. 15. No. 3.
2. Gel'man V. Regime transition, uncertainty and prospects for democratisation: the politics of Russia's regions in a comparative perspective // *Europe-Asia Studies*. 1999. Vol. 51. No. 6; Gel'man V., Alexander J., Degtyarev A. Democratization challenged: elite games of transition // *Fragmented Space: Center-Region-Local in the Russian Federation*. Washington; Baltimore, 2001.
3. Linz J., Stepan A. *Problems of Democratic Transition and Consolidation: Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe*. Baltimore, 1996. Вопрос о применимости сравнительной теории трансформаций к Восточной Европе впервые был рассмотрен в: Schmitter Ph., Karl T. *The Conceptual Travels of Transitologists and Consolidologists: How Far to the East Should They Attempt to Go?* // *The Slavic Review*. 1994. Vol. 53. No. 1; Bunce V. *Should Transitologists Be Grounded?* // *The Slavic Review*. 1995. Vol. 54. No. 1.
4. Gel'man V. *Op. cit.*; Gel'man V., Alexander J., Degtyarev A. *Op. cit.*
5. Snyder R. *Scaling Down: The Subnational Comparative Method* // *Studies in Comparative International Development*. 2001. Vol. 36. No. 1.
6. Solnick S. *Is the center too weak or too strong in the Russian Federation?* // *Building the Russian State: Institutional Crisis and the Quest for Democratic Governance*. Boulder (Colorado), 2000; Heinemann-Grüder A. *Taming the Beast: Asymmetry, Federal Integration, and the Heterogeneous State in Russia* (доклад, подготовленный для Международной конференции AASCPS/ANZSA 1998 г. по коммунистическим и посткоммунистическим обществам, Мельбурн, 7-10 июля 1998 г.).
7. Коми подписала его в 1996 г., а Башкортостан – в 1994 г.
8. *Федеральный бюджет и регионы. Опыт анализа финансовых потоков*. М., 1999. С. 25-40. В 1998 г. они были в числе 15 регионов, получивших меньше всего финансовой помощи из федерального бюджета. Коми занимала 75-е, а Башкортостан – 88-е места из 89 регионов.
9. Munck G. *Democracy Studies: Agendas, Findings, Challenges* (неопубликованная рукопись, декабрь 2000).
10. Collier R., Collier D. *Shaping the Political Arena: Critical Junctures, The Labor Movement, and Regime Dynamics in Latin America*. Princeton, 1991.
11. Karl T. *Dilemmas of Democratization in Latin America* // *Comparative Politics*. 1990. Vol. 22. P. 5. См. также: Karl T., Schmitter Ph. *Modes of Transition in Latin America, Southern and Eastern Europe* // *International Social Science Journal*. 1991. Vol. 128.
12. Munck G. *Op. cit.*
13. Gel'man V. *Op. cit.*
14. *Ibid.*; Gel'man V., Alexander J., Degtyarev A. *Op. cit.*
15. O'Donnell G. *Delegative Democracy* // *Journal of Democracy*. 1994. Vol. 5. No. 1.
16. О применении этих понятий см.: Kubicek P. *Delegative Democracy in Russia and Ukraine* // *Communist and Post-Communist Studies*. 1994. Vol. 27. No. 4; *Manifestations of Delegative Democracy in Russian Local Politics: What Does It Mean for the Future of Russia?* // *Communist and Post-Communist Studies*. 1998. Vol. 31. No. 4; Alexander J. *Political Culture in Post-Communist Russia: Formlessness and Recreation in a Traumatic Transition*. New York, 2000.
17. Gel'man V. *Op. cit.*; Tsygankov A. *Manifestations of Delegative Democracy in Russian Local Politics: What Does It Mean for the Future of Russia?* // *Communist and Post-Communist Studies*. 1998. Vol. 31. No. 4; Gravingholt J. *Rußlands Regionen in der Ära Jelzin: Institutionelle Konsolidierung und Organisation der Macht* // *Rußland in Europa?* Cologne; Vienna, 2000.
18. Linz J., Stepan A. *Op. cit.* P. 3.
19. *Ibid.* P. 5.
20. *Ibid.* P. 5-7.
21. *Ibid.* P. 7-15.
22. Summary of World Broadcast, 16 мая 1990 г., 25 августа 1990 г., 14 марта 1991 г.

23. Kahn J. The parade of sovereignties: establishing the vocabulary of the new Russian federalism // *Post-Soviet Affairs*. 2000. Vol. 16. No.1. P. 60.
24. М.Рахимов: Его стратегия создания суверенного Башкортостана. Уфа, 1993 (ротационный принт).
25. Кт.е. кто в Республике Башкортостан: По состоянию на 1 августа 1995 г. Уфа, 1995. Выпуск 1. С.5; Рабинович И., Фуфаев С. Хозяин (Штрихи к политическому портрету Муртазы Рахимова) // *Pro et contra*. 1997. N 2.
26. Таблица взята из работы: Gel'man V., Alexander J., Degtyarev A. *Op. cit.* P. XXX.
27. Gel'man V. *Op. cit.*
28. Linz J., Stepan A. *Op. cit.* P. 55-65.
29. *Ibid.* P. 90. См. дискуссию по поводу Пакта Монклоа в Испании.
30. Alexander J. *Political Culture*. P. 137.
31. Shalpentokh V. *From Submission to Rebellion*. Boulder, 1997. P. 99-100.
32. Linz J., Stepan A. *Op. cit.* P. 377. Они показывают, «как независимость стала более важной, чем демократизация» для союзных республик.
33. Gel'man V. *Op. cit.*
34. *Ibid.*
35. Сегодня. 1993. 14 октября (цит. по: *Current Digest of the Post-Soviet Press*, 45:41, 1993).
36. Выдвинутый Ельциным проект Конституции, исключавший Федеративный Договор, который гарантировал республикам привилегированный статус в федерации, стал еще одним из эпизодов, побудивших и Спиридонова, и Рахимова более энергично защищать права своих регионов.
37. Alexander J. *Political Culture*. P. 82-83.
38. *Ibid.*
39. *Ibid.* P. 141.
40. Политический мониторинг Башкортостана /Институт гуманитарно-политических исследований. 1993. Ноябрь.
41. Закон Республики Башкортостан о Государственном собрании Республики Башкортостан: Принят Верховным Советом Республики Башкортостан 2 марта 1994 года. Уфа, 1994; Закон Республики Башкортостан о выборах депутатов Государственного Собрания Республики Башкортостан: Принят Верховным Советом Республики Башкортостан 13 октября 1994 года. Уфа, 1994.
42. Федеральный Закон об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации: Официальное издание. М., 1995.
43. Как будет показано ниже, после создания этой политико-административной структуры Спиридонов и Государственный Совет вносили изменения в законы, регулирующие некоторые аспекты их функций, что было реакцией на внешнее давление со стороны федеральных судов. Тем не менее, структура системы оставалась неизменной и была направлена на защиту главы региона.
44. Большая часть этой дискуссии взята из двух предыдущих публикаций. См: Alexander J. *Political Culture*. P. 135-42; *Idem*. *Pluralism in the Komi Republic? Overcoming Executive Resistance* // *Demokratizatsiya*. 1999. T. 7. No. 3. С. 370-382.
45. Linz J., Stepan A. *Op. cit.* P. 3.
46. O'Donnell G. *Illusions about Consolidation* // *Journal of Democracy*. 1996. Vol. 7. No. 2. P. 34-51.
47. Linz J., Stepan A. *Op. cit.* P. 6.
48. Аттитюдное исследование в Коми и Кировской области изложено в: Alexander J. *Political Culture*.
49. Linz J., Stepan A. *Op. cit.* P. 72-6. Они учитывают влияние политики иностранных государств, «дух времени» в преломлении внутренней политики.
50. См.: Gel'man V., Alexander J., Degtyarev A. *Op. cit.*; Alexander J. 'Pluralism in the Komi Republic? Overcoming executive resistance.

51. В стилистических целях, эти категории обсуждаются либо в вышеприведенном порядке, либо в порядке, введенном Линцем и Степаном.
52. Интервью с Юрием Дерягиным (директор буровой компании «Альянс»), июль 2001 г.
53. Shabaev Yu. Oil Politics Shapes Komi's Reaction to the Re-election of Nenets Governor // East West Institute Russian Regional Report. 2001. Vol. 6. No. 4.
54. Хабибуллин А. Башкирская экономика: что за витриной регионального капитализма. Республика поражена тяжелым кризисом // Независимая газета. 1998. 5 марта. С. 4; Назаров Р. Монополия на капитализм в одном отдельно взятом регионе: Руководству Башкирии удалось сконцентрировать основные финансовые ресурсы республики в контролируемом властями Башкредитбанке // Там же. 1997. 18 ноября. С. 1+4; Политический мониторинг Башкортостана /Институт гуманитарно-политических исследований. 1996. Январь; EastWest Institute Studies Russian Regional Report, 8 мая 1997 г.
55. Shabaev Yu. Komi: no success in reforming state-owned coal industry // EWI Russian Regional Report. 1999. Part II. 4:47; Idem. Komi: one forestry enterprise succeeds...while another fails // East West Institute Russian Regional Report. 1999. Part II. 4:45. Если сокращение добычи нефти и газа было компенсировано ростом доходов от поставок на мировой рынок, то снижение добычи угля сопровождалось еще и ростом транспортных расходов. Лесозаготовительная отрасль также пала жертвой растущих транспортных тарифов, в результате чего к 1999 г. произошло уменьшение объемов производства в 4 раза по сравнению с 1990 г. См.: Регионы России. 2000. Т. 1. С. 25.
56. Регионы России. Т. 1. С. 361; Т. 2. С. 454.
57. Linz J., Stepan A. Op. cit. P. 11-13, 44.
58. Cp.: Gravingholt J. Bashkortostan: A case of regional authoritarianism // Regional Politics in Russia. Manchester University Press, 2002. См. также: Alexander J. Pluralism.
59. На этой почве впоследствии возник конфликт между федеральными и региональными структурами. В конце концов, властям Коми пришлось уступить и отказаться от такой практики.
60. Интервью с Л.Завьяловой, депутатом Государственного Совета Коми (13 июля 1999 г., Сыктывкар).
61. Shabaev Yu. Komi benefiting from high oil prices // East West Institute Russian Regional Report. 2000. 5:4 (2 February 2000).
62. Shabaev Yu. Komi benefiting.
63. Галлямов Р.Р. Политические элиты российских республик: Особенности трансформации в постсоветский период // Полис. 1998. № 2; Rotar I. Development, Bashkir-Style: Ufa's Internal Policy Benefits The Kremlin // Prism. A Bi-Weekly On The Post-Soviet States (Internet edition). 1998. 4:2. Part 3.
64. Shabaev Yu. Komi constitution demands serious revisions // EWI Russian Regional Report. 5:24 (21 June 2000).
65. Интервью с О.Азаровым.
66. Более подробно об этой крайне противоречивой кампании см.: Lussier D. Bashkortostan's president reelected in campaign plagued by violations // IEWS Russian Regional Report (Internet Edition), 3:25 (1998); Lankina T. Showcase of manipulated democracy: elections without choice in Bashkortostan // Transitions, 8 (1998), P. 62-64; Коммерсантъ-Daily. 1998. 7 мая. С. 5; Русский телеграф. 1998. 25 июля. С. 2.
67. Интервью с И.Кулаковым, заместителем председателя Государственного Совета Коми (27 июля 1999 г., Сыктывкар).
68. Интервью с О.Азаровым, начальником департамента по связям с общественностью администрации главы Республики Коми (22 июля 1999 г., Сыктывкар).
69. Alexander J. Pluralism.
70. Ibid.
71. Интервью с Б.Колесниковым, корреспондентом «Красного Знамени» (14 июля 1999 г., Сыктывкар).

72. Интервью с Н.Моисеевым, депутатом Государственного Совета Коми и горсовета Сыктывкара (16 июля 1999 г., Сыктывкар). Он был завсегдаем местного TV, пока, по его словам, его не заставил уйти оттуда Спиридонов.

73. Paretskaya A. Bashkortostan authorities assault the independent press // OMRI Analytical Brief. No. 428. 1996. 1 November; Новое время. 1998. № 12. С. 12.

74. Рейтинг взят из: <http://www.freepress.ru/win/main.htm/I-1-1a.htm>, 5 November 1999. См. также: East West Institute Russian Regional Report. 1999. 4:44.

75. Интервью с Л.Мусиновым, главой Коми отделения НПСР (14 июля 1999 г. Сыктывкар) и интервью с Н.Моисеевым.

76. Это единодушно отражено всеми международными наблюдателями на выборах в республике. В декабре 1993 г. Й.Гревингхольт находился в Уфе в качестве международного наблюдателя от Европейского Союза. Он выражает благодарность наблюдателем от ОБСЕ, которые любезно поделились с ним своими мнениями об избирательных кампаниях в Уфе 1996, 1999 и 2000 гг. Факты отказа кандидатам в регистрации возникали и в Коми, но не в таком масштабе.

77. Alexander J. Pluralism. P. 373.

78. На самом деле, у Башкортостана много признаков более похожих на посттоталитаризм и султанизм, чем на авторитаризм и, естественно, демократию. См.: Linz J., Stepan A. Op. cit. P. 42-54.

79. Linz J. The Future of the Authoritarian Situation or Institutionalization of an Authoritarian Regime: The Case of Brazil // Authoritarian Brazil. Origins, Policies and Future. New Haven; London, 1973). P. 233-254. Возможно, Линц вкладывал в этот термин несколько другое значение, но тем не менее близкое по смыслу.

80. O'Donnell G. Delegative Democracy.

81. O'Donnell G. Horizontal Accountability in New Democracies // Journal of Democracy. 1998. Vol. 9. No. 3. P. 112-27.

82. Linz J., Stepan A. Op. cit. P. 42-51.

83. Под ответственным политическим плюрализмом мы понимаем независимое развитие и выражение предпочтений неофициальными, самостоятельными политическими партиями и политически ориентированным гражданским обществом. Эти независимые группы принимаются политической властью как легитимные образования, обеспечивающие выражение интересов и соревновательность. «Ограниченный политический плюрализм» означает, что развитием идей руководит государство, которое ограничивает свободу слова политически ориентированных организаций и часто привязывает их финансовыми и институциональными методами к текущему режиму: Linz J., Stepan A. Op. cit. P. 42-46.

84. При этом обычно отсутствует «комплексная, всеобъемлющая сеть ассоциаций, чьей целью является мобилизация населения» на поддержку режима, существующая в тоталитарных и посттоталитарных обществах: Linz J., Stepan A. Op. cit. P. 49.

Авторы благодарны издательству «Frank Cass & Co. Ltd.» за разрешение опубликовать перевод этой статьи в настоящей книге. Со стороны Джеймса Александра данное исследование было поддержано грантом Американского совета по международным исследованиям и обмену, а также на средства, выделенные Госдепартаментом США (программа № VIII) и Национальным гуманитарным фондом. Ни одна из вышеупомянутых организаций не несет ответственность за содержание данной статьи. Поддержку также оказывали Кафедральный исследовательский комитет Северо-восточного Государственного Университета, Талека, ОК 74464. Йорн Гревингхольт хотел бы выразить благодарность Институту Восточной Европы при Свободном университете Берлина, поддержавшем на первых порах это исследование. Джеймс Александр выражает благодарность Джошуа Томпсону за его неоценимую помощь. Оба автора выражают благодарность трем анонимным рецензентам за их комментарии, которые помогли улучшить аргументацию и форму изложения настоящей статьи,

Авторизованный перевод с английского А.М.Ротштейна.